

Именем
Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по делу о проверке конституционности частей второй и четвертой статьи 443 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.А.Первова и запросом мирового судьи судебного участка № 43 города Кургана

город Санкт-Петербург

21 мая 2013 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей К.В.Арановского, А.И.Бойцова, Г.А.Гаджиева, Ю.М.Данилова, Л.М.Жарковой, Г.А.Жилина, С.М.Казанцева, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова, Ю.Д.Рудкина, Н.В.Селезнева, О.С.Хохряковой, В.Г.Ярославцева,

с участием полномочного представителя Совета Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации А.И.Александрова,

руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 74, 86, 96, 97, 99, 101, 102 и 104 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в открытом заседании дело о проверке конституционности частей второй и четвертой статьи 443 УПК Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явились жалоба гражданина С.А.Первова и запрос мирового судьи судебного участка № 43 города Кургана. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителями законоположения.

Поскольку жалоба и запрос касаются одного и того же предмета, Конституционный Суд Российской Федерации, руководствуясь статьей 48 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», соединил дела по этим обращениям в одном производстве.

Заслушав сообщение судьи-докладчика Н.В.Мельникова, объяснения представителя Совета Федерации, выступления приглашенных в заседание представителей: от Верховного Суда Российской Федерации – судьи Верховного Суда Российской Федерации А.С.Червоткина, от Министерства юстиции Российской Федерации – Е.А.Борисенко, от Генерального прокурора Российской Федерации – Т.А.Васильевой, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. В соответствии со статьей 443 УПК Российской Федерации суд, признав доказанным, что деяние, запрещенное уголовным законом, совершено лицом в состоянии невменяемости, выносит постановление о прекращении уголовного дела и об отказе в применении принудительных мер медицинского характера, если это лицо не представляет опасности по своему психическому состоянию либо им совершено деяние небольшой тяжести; одновременно суд решает вопрос об отмене меры пресечения (часть вторая); при прекращении уголовного дела по основанию, предусмотренному частью второй данной статьи, копия постановления суда в течение 5 суток направляется в орган здравоохранения для решения вопроса о лечении или

направлении лица, нуждающегося в психиатрической помощи, в психиатрический стационар (часть четвертая).

1.1. Руководствуясь статьей 21 «Невменяемость» УК Российской Федерации и пунктом 2 части первой статьи 24 «Основания отказа в возбуждении уголовного дела или прекращения уголовного дела» УПК Российской Федерации, мировой судья судебного участка № 81 в Советском районе города Красноярска постановлением от 22 ноября 2011 года прекратил уголовное преследование в отношении страдающего психическим расстройством гражданина Х., обвинявшегося в совершении деяний, предусмотренных частью первой статьи 116 «Побои», частью первой статьи 119 «Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью» (пять эпизодов) и частью первой статьи 130 «Оскорбление» (семь эпизодов) УК Российской Федерации. Отказывая в применении в отношении Х. принудительных мер медицинского характера, мировой судья исходил из того, что совершенные им деяния относятся к категории преступлений небольшой тяжести, и не принял во внимание содержащиеся в заключении судебно-психиатрической экспертизы выводы о том, что обвиняемый представляет опасность для себя и окружающих и нуждается в принудительном лечении в психиатрическом стационаре общего типа.

Советский районный суд города Красноярска, исключив из обвинения часть первую статьи 119 УК Российской Федерации по одному из эпизодов (в связи с истечением срока давности привлечения к уголовной ответственности) и часть первую статьи 130 УК Российской Федерации (в связи с декриминализацией), постановлением от 11 мая 2012 года оставил постановление мирового судьи в части отказа в применении принудительных мер медицинского характера без изменения. Постановление суда апелляционной инстанции, в свою очередь, оставлено без изменения кассационным определением судебной коллегии по уголовным делам Красноярского краевого суда от 24 июля 2012 года. При этом суды не нашли оснований для направления в Конституционный Суд Российской Федерации

запроса о проверке конституционности части второй статьи 443 УПК Российской Федерации, на которую они сослались как на не предусматривающую применение принудительных мер медицинского характера к страдающему психическим расстройством лицу, совершившему в состоянии невменяемости запрещенное уголовным законом деяние небольшой тяжести, и на неконституционность которой указывал адвокат гражданина С.А.Первова – потерпевшего по данному уголовному делу.

Нарушение частью второй статьи 443 УПК Российской Федерации своих прав, гарантированных статьями 17, 18, 45 (часть 1), 46 (часть 1) и 52 Конституции Российской Федерации, гражданин С.А.Первов связывает с тем, что ее положения не обеспечивают государственную защиту достоинства личности, жизни и здоровья потерпевших, поскольку допускают отказ от принудительного лечения лица, страдающего психическим расстройством и совершившего запрещенное уголовным законом деяние в состоянии невменяемости, несмотря на сохраняющуюся общественную опасность этого лица, что может повлечь новые аналогичные или более тяжкие действия с его стороны.

1.2. В производстве мирового судьи судебного участка № 43 города Кургана В.Г.Зайцевой находится уголовное дело о применении принудительных мер медицинского характера в отношении гражданина А., который, как следует из соответствующего постановления следователя, 24 июля 2012 года совершил в состоянии невменяемости деяния, предусмотренные частью первой статьи 116 «Побои» и частью первой статьи 119 «Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью» УК Российской Федерации. По имеющейся в распоряжении мирового судьи информации, в 1999 году и в 2003 году А. освобождался от уголовной ответственности за совершенные в состоянии невменяемости деяния, предусмотренные частями первой и четвертой статьи 111 «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью» УК Российской Федерации, с применением принудительных мер медицинского характера, а 4 июля 2012

года он был освобожден от уголовной ответственности без применения принудительных мер медицинского характера за нанесение побоев потерпевшей, которая является участницей уголовного судопроизводства и по данному уголовному делу. При этом согласно заключению судебно-психиатрической экспертизы имеющееся у А. психическое расстройство (с учетом его течения, неоднократности совершения общественно опасных деяний и склонности к злоупотреблению алкоголем) представляет опасность для него и других лиц, может повлечь причинение иного существенного вреда, в связи с чем ему рекомендовано принудительное лечение в психиатрическом стационаре специализированного типа.

Приостановив производство по данному уголовному делу, мировой судья В.Г.Зайцева обратилась в Конституционный Суд Российской Федерации с запросом о проверке конституционности частей второй и четвертой статьи 443 УПК Российской Федерации. По мнению заявительницы, оспариваемые ею нормы, обязывая суд вынести постановление о прекращении уголовного дела и об отказе в применении принудительных мер медицинского характера без учета существенных обстоятельств дела, не согласуются с требованиями справедливости и соразмерности в регулировании общественных отношений, исключают в соответствующей части исполнение обязанности государства защищать права и свободы граждан, обеспечивать законность и правопорядок, а значит, противоречат статьям 1 (часть 1), 2, 17 (часть 3), 21 (часть 1), 45 (часть 1), 52, 55 (части 1 и 3), 71 (пункты «в», «о») и 72 (пункт «б» части 1) Конституции Российской Федерации.

1.3. В силу требований статей 74, 96, 97, 101 и 102 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» Конституционный Суд Российской Федерации по жалобам граждан на нарушение конституционных прав и свобод и по запросам судов проверяет конституционность оспариваемых заявителями законоположений в той части, в какой они были применены (подлежат применению) в

конкретном деле, и принимает постановление только по предмету, указанному в обращении, и лишь в отношении той части акта, конституционность которой подвергается сомнению, оценивая как буквальный смысл этих законоположений, так и смысл, придаваемый им официальным и иным толкованием, а также сложившейся правоприменительной практикой, и исходя из их места в системе правовых норм.

Соответственно, предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу являются взаимосвязанные положения частей второй и четвертой статьи 443 УПК Российской Федерации, на основании которых суд, осуществляющий производство о применении принудительных мер медицинского характера в отношении лица, совершившего запрещенное уголовным законом деяние в состоянии невменяемости и по своему психическому состоянию представляющего опасность, выносит постановление о прекращении уголовного дела и об отказе в применении принудительных мер медицинского характера, если совершенное деяние отнесено к преступлениям небольшой тяжести, и направляет копию постановления о прекращении уголовного дела в орган здравоохранения для решения вопроса о лечении или направлении лица, нуждающегося в психиатрической помощи, в психиатрический стационар.

При этом в настоящем деле Конституционный Суд Российской Федерации не оценивает конституционность положений уголовного закона, определяющих виды принудительных мер медицинского характера (статьи 100 и 101 УК Российской Федерации).

2. Провозглашая человека, его права и свободы высшей ценностью, а признание, соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина – обязанностью государства, Конституция Российской Федерации относит к числу неотъемлемых и неотчуждаемых прав, принадлежащих человеку от рождения и охраняемых государством, право каждого на жизнь, защиту своей чести и доброго имени, право на личную неприкосновенность,

исключающее незаконное – как физическое, так и психическое – воздействие на человека и, соответственно, не допускающее насилие, другое жестокое или унижающее человеческое достоинство обращение, а также право каждого на охрану здоровья и медицинскую помощь (статья 2; статья 20, часть 1; статья 21, часть 2; статья 22, часть 1; статья 23, часть 1; статья 41, часть 1).

Реализация указанных конституционных прав предполагает обязанность государства осуществлять комплекс мер, обеспечивающих не только безопасность личности от преступных и иных общественно опасных посягательств, но и получение гражданами необходимой медико-социальной помощи с учетом права каждого свободно принимать решение об обращении за медицинской помощью и о прохождении курса лечения. Отсутствие соответствующих правовых гарантий означало бы недопустимое вмешательство государства в сферу индивидуальной свободы, которая в силу статьи 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации может быть ограничена только в конституционно значимых целях и только в определенных, установленных федеральным законом случаях.

К числу таких случаев относится наличие у лица психического расстройства, обуславливающего непосредственную опасность для него или окружающих, о существовании которой свидетельствует, в частности, совершение им общественно опасного деяния, содержащего совокупность объективных признаков преступления. Возможность ограничения прав этих лиц допускается утвержденными Генеральной Ассамблеей ООН Принципами защиты психически больных лиц и улучшения психиатрической помощи (Резолюция 46/119 от 17 декабря 1991 года): любое лицо может быть госпитализировано в психиатрическое учреждение в качестве пациента в принудительном порядке или уже госпитализированное в качестве пациента в добровольном порядке может содержаться в качестве пациента в психиатрическом учреждении в принудительном порядке тогда и только тогда, когда уполномоченный для этой цели согласно закону

квалифицированный специалист, работающий в области психиатрии, установит, что данное лицо страдает психическим заболеванием, и определит, что вследствие этого психического заболевания существует серьезная угроза причинения непосредственного или неизбежного ущерба этому лицу или другим лицам или что отказ от госпитализации или содержания данного лица в психиатрическом учреждении может привести к серьезному ухудшению его здоровья или сделает невозможным применение надлежащего лечения, которое может быть проведено при условии госпитализации в психиатрическое учреждение в соответствии с принципом наименее ограничительной альтернативы (пункт 1 принципа 16).

Согласно практике Европейского Суда по правам человека при решении вопроса о том, следует ли какое-либо лицо содержать в изоляции как «душевнобольного», необходимо, чтобы были признаны определенные полномочия национальных органов власти, поскольку именно они прежде всего должны оценивать в каждом конкретном случае доказательства, решая в том числе, послужит ли освобождение во благо интересам пациента и общества, в которое он должен вернуться (решение от 24 октября 1979 года по делу «Винтерверп (Winterwerp) против Нидерландов», постановление от 24 сентября 1992 года по делу «Херцегфалви (Herczegfalvy) против Австрии»). При этом Европейский Суд по правам человека полагает, что законодатель не обязан исчерпывающим образом разъяснять понятие «опасность для себя или окружающих», поскольку вряд ли возможно охватить в законе все разнообразие состояний, которые включают в себя психиатрические риски, тем более если закон требует, чтобы суды проводили проверку всех дел о недобровольном помещении в психиатрический стационар на основании медицинских данных, что является важной гарантией от произвола (постановление от 28 октября 2003 года по делу «Ракевич против России»).

В соответствии с правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации, выраженными в его решениях, Конституция

Российской Федерации, прежде всего ее статьи 2 и 18, обязывает законодателя к установлению таких уголовно-процессуальных механизмов, которые в максимальной степени способствовали бы предупреждению и пресечению преступлений, предотвращению их негативных последствий для охраняемых законом прав и интересов граждан, а также упрощали бы жертвам преступлений доступ к правосудию с целью восстановления своих прав и получения необходимой компенсации с учетом того, что интересы потерпевшего в уголовном судопроизводстве в значительной степени связаны с разрешением вопроса о применении уголовного закона (постановления от 8 декабря 2003 года № 18-П и от 16 октября 2012 года № 22-П); выбор конкретных правовых средств и способов, с помощью которых могут быть защищены права потерпевших, осуществляется законодателем на основе принципов демократического правового государства и исходя из того, что в силу статей 19 (часть 1) и 52 Конституции Российской Федерации права на доступ к правосудию и на компенсацию причиненного преступлением ущерба должны обеспечиваться всем потерпевшим в равной мере (постановления от 15 января 1999 года № 1-П и от 24 апреля 2003 года № 7-П).

Как указал Конституционный Суд Российской Федерации, государство, защищая конституционные права граждан на жизнь, свободу и личную неприкосновенность, честь и достоинство личности от преступных посягательств, для достижения тех целей, с которыми Конституция Российской Федерации и международно-правовые документы связывают допустимость ограничения соответствующих прав и свобод, обязано принимать такие необходимые и достаточные меры (способы) защиты общественной безопасности, нравственности, здоровья, прав и законных интересов граждан, которые минимизировали бы последствия общественно опасных посягательств, приводили бы к сокращению числа их жертв, предупреждению преступных посягательств на права и интересы личности и вместе с тем – в силу неотчуждаемости основных прав и свобод человека и их принадлежности каждому от рождения – не допускали бы какого бы то ни

было умаления этих прав, в том числе в отношении лиц, страдающих психическими расстройствами (Постановление от 20 ноября 2007 года № 13-П, Определение от 3 июля 2008 года № 612-О-П).

Таким образом, осуществляя на основе предписаний статей 7, 20 (часть 1), 21, 22 (часть 1), 23 (часть 1), 41 (часть 1), 45, 46 (часть 1) и 52 Конституции Российской Федерации и соответствующих международно-правовых обязательств Российской Федерации правовое регулирование в сфере обеспечения общественной безопасности, здравоохранения, защиты прав и свобод человека и гражданина, в том числе от преступных и иных общественно опасных посягательств (статья 71, пункты «в», «м», «о»; статья 72, пункты «б», «ж» части 1, Конституции Российской Федерации), законодатель, призванный действовать в общих интересах, обладает дискрецией в выборе мер, направленных на обеспечение безопасности и неприкосновенности личности, исключая незаконное – как физическое, так и психическое – воздействие на человека, и в определении ответственности за преступления или оснований применения иных мер уголовно-правового характера. Вместе с тем он связан требованиями Конституции Российской Федерации, которые обязывают его обеспечивать баланс конституционно защищаемых ценностей, публичных и частных интересов, прав и законных интересов различных категорий граждан, соблюдая при этом принципы справедливости, равенства и соразмерности, выступающие конституционным критерием оценки законодательного регулирования прав и свобод человека и гражданина, закрепленных непосредственно в Конституции Российской Федерации, и прав, приобретаемых на основании закона.

3. Реализуя свои конституционные полномочия по охране достоинства личности, обеспечению безопасности личности, общества и государства от преступных посягательств, права на государственную, включая судебную, защиту, права на охрану здоровья и медицинскую помощь и принимая во внимание, что лица, страдающие психическими расстройствами, нуждаются

в повышенной правовой и социальной защите, федеральный законодатель ввел в правовое регулирование положения, которые исключают уголовную ответственность лиц, совершивших запрещенные уголовным законом деяния в состоянии невменяемости, и позволяют назначать таким лицам принудительные меры медицинского характера.

В соответствии с Уголовным кодексом Российской Федерации лицо, которое во время совершения общественно опасного деяния находилось в состоянии невменяемости, т.е. не могло осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими вследствие хронического психического расстройства, временного психического расстройства, слабоумия либо иного болезненного состояния психики, не подлежит уголовной ответственности (статья 21), что не устраняет общественной опасности и противоправности самого деяния. Однако тяжесть деяния, совершенного лицом в состоянии невменяемости, не может служить определяющим критерием, на основании которого устанавливается возможность причинения таким лицом иного существенного вреда либо опасность для него самого или окружающих, наличие которой, согласно части второй статьи 97 УК Российской Федерации, является основанием для назначения принудительных мер медицинского характера, имеющих целью, как следует из его статьи 98, излечение или улучшение психического состояния лиц, совершивших запрещенные уголовным законом деяния в состоянии невменяемости, а также предупреждение совершения ими новых деяний, предусмотренных статьями Особенной части данного Кодекса.

Лишь в отношении лица, не представляющего по своему психическому состоянию опасности для себя и окружающих, суд может передать необходимые материалы органам здравоохранения для решения вопроса о его лечении или направлении в психоневрологическое учреждение социального обеспечения в порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации о здравоохранении (пункт «а» части первой, части

вторая и четвертая статьи 97 УК Российской Федерации). Отказ в применении принудительных мер медицинского характера допускается только в том случае, если лицо вследствие улучшения психического состояния утратило опасность для себя и окружающих; во всех иных случаях принудительные меры медицинского характера подлежат применению к лицам, совершившим запрещенные уголовным законом деяния в состоянии невменяемости, в соответствии с рекомендациями судебных психиатров (статьи 99–102 УК Российской Федерации).

Таким образом, в силу приведенного правового регулирования для применения к лицу принудительных мер медицинского характера необходимо принятие судебного решения, которым должно быть не только установлено совершение конкретным лицом запрещенного уголовным законом общественно опасного деяния в состоянии невменяемости, наличие психического расстройства, подтвержденного заключением судебно-психиатрической экспертизы, но и определено, что это лицо по своему психическому состоянию представляет опасность для себя самого или других лиц. Ограничения, которые связаны с этими мерами, обусловленными вероятностью существенного ухудшения психического состояния лица, если оно будет оставлено без психиатрической помощи, соответствуют предписаниям статьи 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации.

Такое правовое регулирование согласуется со статьей 41 Конституции Российской Федерации, гарантирующей каждому право на охрану здоровья и медицинскую помощь, и отвечает требованиям международно-правовых актов в сфере защиты психически больных лиц и улучшения психиатрической помощи. Коррелирует оно и с Законом Российской Федерации от 2 июля 1992 года № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании», который предусматривает правовые, организационные и экономические принципы оказания психиатрической помощи в Российской Федерации с учетом того, что психическое расстройство может изменять отношение человека к жизни,

самому себе и обществу, а также отношении общества к человеку (преамбула), и в соответствии с которым принудительные меры медицинского характера применяются по решению суда в отношении лиц, страдающих психическими расстройствами, совершивших общественно опасные деяния, по основаниям и в порядке, установленным Уголовным кодексом Российской Федерации и Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (часть первая статьи 13).

4. Из принципов правового государства, справедливости и равенства всех перед законом и судом (статьи 1, 18 и 19 Конституции Российской Федерации) вытекает обращенное к законодателю требование определенности, ясности, недвусмысленности правовых норм и их согласованности в системе действующего правового регулирования, поскольку такое равенство может быть обеспечено лишь при условии единообразного понимания правовой нормы. Как отмечал Конституционный Суд Российской Федерации в постановлениях от 15 июля 1999 года № 11-П и от 27 мая 2003 года № 9-П, не согласующиеся друг с другом правовые нормы порождают противоречивую правоприменительную практику, создают возможность произвольного их применения, ослабляют гарантии государственной защиты прав, свобод и законных интересов граждан (статья 45; статья 46, части 1 и 2, Конституции Российской Федерации).

Определение оснований и условий применения принудительных мер медицинского характера к лицам, совершившим в состоянии невменяемости деяния, запрещенные уголовным законом, либо оснований передачи необходимых материалов органам здравоохранения для решения вопроса о лечении этих лиц или направлении их в психоневрологические учреждения социального обеспечения в порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации о здравоохранении, находится в сфере уголовно-правового регулирования и уголовно-правовых отношений. Следовательно, с положениями Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающими – с учетом целей и задач уголовного законодательства

– основания и цели применения принудительных мер медицинского характера за совершение запрещенных уголовным законом деяний, виды таких мер, продление, изменение и прекращение их применения (статьи 21, 97–102), должны быть согласованы и соответствующие положения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Между тем употребление в диспозиции части второй статьи 443 УПК Российской Федерации, призванного, как следует из его статьи 1, регулировать лишь порядок уголовного судопроизводства, разделительного союза «либо» позволяет суду рассматривать условия, при которых выносится постановление о прекращении уголовного дела и об отказе в применении принудительных мер медицинского характера («если лицо не представляет опасности по своему психическому состоянию» и «если им совершено деяние небольшой тяжести»), в качестве альтернативных и при наличии любого из них отказывать в принудительном лечении, несмотря на то что Уголовным кодексом Российской Федерации такое условие для отказа от применения принудительных мер медицинского характера, как совершение деяния небольшой тяжести, не предусмотрено. Это приводит к отступлению от реализации конституционно значимых задач охраны прав и свобод человека и гражданина, предупреждения преступлений, препятствует достижению целей применения принудительных мер медицинского характера – излечению указанных в части первой статьи 97 УК Российской Федерации лиц, которые по своему психическому состоянию представляют опасность для себя или окружающих, либо улучшению их психического состояния, а также предупреждению совершения ими новых деяний, предусмотренных статьями Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации.

В результате, если лицом совершено деяние небольшой тяжести, осуществленная на предыдущих этапах производства по уголовному делу оценка того, представляет ли его психическое расстройство опасность для него самого или других лиц и возможно ли причинение данным лицом иного

существенного вреда, во всяком случае утрачивает свое правовое значение, хотя самим Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации связь характера совершенного деяния и психического расстройства лица с опасностью для него самого или других лиц либо возможностью причинения им иного существенного вреда включена в предмет доказывания при производстве предварительного следствия по таким делам, что обязывает следователя по окончании предварительного следствия направить уголовное дело в суд для применения к лицу принудительной меры медицинского характера либо – при отсутствии указанной связи – вынести постановление о прекращении уголовного дела (статья 433, пункт 5 части второй статьи 434 и статья 439).

В ходе производства о применении принудительных мер медицинского характера суд, в свою очередь, должен на основании заключения судебно-психиатрической экспертизы установить, представляет ли лицо в силу своего психического расстройства опасность для самого себя или других лиц и возможно ли причинение данным лицом иного существенного вреда, а также подлежит ли применению принудительная мера медицинского характера, и определить ее вид (пункты 5 и 6 статьи 442 УПК Российской Федерации). Однако при рассмотрении уголовного дела о деянии небольшой тяжести, совершенном в состоянии невменяемости лицом, которое в силу своего психического состояния продолжает представлять опасность для себя или других лиц, суд фактически лишен возможности применить положения уголовного закона, которые адекватно отражают предназначение принудительных мер медицинского характера как средства защиты прав самого лица, совершившего общественно опасное деяние, а также других лиц, включая потерпевшего: если следователь согласно уголовному закону и в соответствии с положениями Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации выносит постановление о прекращении уголовного дела в том случае, когда характер совершенного деяния и психическое расстройство лица не связаны с опасностью для него или других лиц либо с

возможностью причинения этим лицом иного существенного вреда, то суд, напротив, выносит постановление о прекращении уголовного дела и об отказе в применении принудительных мер медицинского характера в отношении лица, психическое расстройство которого представляет опасность для него самого или других лиц, и при наличии возможности причинения данным лицом иного существенного вреда лишь на том основании, что это лицо совершило деяние небольшой тяжести.

Таким образом, дефектность части второй статьи 443 УПК Российской Федерации, ее несогласованность как с другими положениями данного Кодекса, так и с положениями Уголовного кодекса Российской Федерации – единственного закона, образующего уголовное законодательство, которым определяются уголовно-правовые последствия совершения запрещенного уголовным законом деяния, порождают неопределенность, которая не позволяет единообразно понимать и толковать правовые нормы, создает противоречивую правоприменительную практику, что приводит к нарушению конституционного принципа равенства, ставит под угрозу неприкосновенность личности, ее честь и достоинство, право на жизнь и охрану здоровья.

5. При прекращении уголовного дела и отказе в применении принудительных мер медицинского характера по основанию, указанному в части второй статьи 443 УПК Российской Федерации, копия постановления суда, согласно части четвертой той же статьи, в течение 5 суток направляется в орган здравоохранения для решения вопроса о лечении или направлении лица, нуждающегося в психиатрической помощи, в психиатрический стационар. В таком случае, как следует из Закона Российской Федерации «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании», предполагается согласие лица на лечение и возможность отказа от лечения, по крайней мере до тех пор, пока не будет иметь место недобровольная госпитализация (часть первая статьи 4, части первая и четвертая статьи 11).

Вместе с тем непосредственная опасность для себя или окружающих рассматривается названным Законом в качестве основания для

психиатрического освидетельствования без согласия лица, в том числе по устному заявлению «иных граждан», к которым могут быть отнесены пострадавшие ранее от его действий и (или) нуждающиеся в защите от его новых противоправных деяний, и для недобровольной госпитализации данного лица (пункт «а» части четвертой статьи 23, части вторая и третья статьи 25, пункт «а» статьи 29); при этом вопрос об освидетельствовании лица без его согласия решается судом по месту жительства данного лица (часть пятая статьи 25), а о госпитализации в недобровольном порядке – по месту нахождения психиатрического учреждения по заявлению его представителя, т.е. в ином, а именно в предусмотренном Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации (пункт 8 части первой статьи 262, статьи 302–306) порядке.

Следовательно, в системе действующего правового регулирования лицо, совершившее запрещенное уголовным законом деяние небольшой тяжести в состоянии невменяемости, освобождается от принудительных мер медицинского характера во всех случаях, в том числе если свойство обусловленной психическим заболеванием общественной опасности им не утрачено. Недобровольное же лечение такого лица возможно лишь в порядке, установленном Законом Российской Федерации «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» и Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации для лиц, страдающих психическими расстройствами, которыми применительно к указанным ситуациям специальная процедура принятия соответствующего решения не установлена, что не обеспечивает лицу, совершившему запрещенное уголовным законом общественно опасное деяние, возможность лечения в необходимых условиях и в течение неопределенного времени подвергает как само это лицо, так и потерпевших, а также иных лиц новым, дополнительным рискам. При этом суд, разрешающий уголовное дело о применении принудительных мер медицинского характера по существу, придя к выводу об общественной опасности лица, т.е. о наличии уголовно-правового основания для его изоляции

от общества, лишен полномочия применить во исполнение задач уголовного и уголовно-процессуального регулирования принудительные меры медицинского характера в отношении лиц, совершивших в состоянии невменяемости запрещенные уголовным законом деяния, в целях их излечения или улучшения их психического состояния, а также предупреждения совершения ими новых запрещенных уголовным законом деяний.

Таким образом, положения частей второй и четвертой статьи 443 УПК Российской Федерации, расширяя границы уголовно-правового бездействия относительно возможности применения принудительных мер медицинского характера к лицам, уже совершившим в состоянии невменяемости деяния, предусмотренные статьями Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, и по своему психическому состоянию представляющим опасность для себя или окружающих, сводя указанную возможность лишь к случаям совершения посягательств средней тяжести и выше, не позволяют суду в полной мере осуществлять отправление правосудия и применять уголовный закон в соответствии с его целями, оставляя таких лиц без необходимой и своевременной медицинской помощи, что не только не способствует улучшению их психического состояния, но и, напротив, может его усугубить, и лишая уже пострадавших от деяний небольшой тяжести, равно как и потенциальных потерпевших от их деяний государственной и судебной защиты от общественно опасных и противоправных посягательств. Тем самым нарушаются защищаемые Конституцией Российской Федерации и не подлежащие ограничению права на охрану достоинства личности и личную неприкосновенность, а также право на охрану здоровья, что должно расцениваться как ограничение обусловленных потребностью в безопасности естественных неотчуждаемых прав человека и гражданина, реализация которых гарантируется статьями 18, 21, 22 (часть 1), 41 (часть 1), 45 (часть 1), 46 (часть 1) и 52 Конституции Российской Федерации.

6. Право на судебную защиту, закрепленное статьей 46 Конституции Российской Федерации, а также международно-правовыми актами,

являющимися в силу статьи 15 (часть 4) Конституции Российской Федерации составной частью правовой системы Российской Федерации (статья 8 Всеобщей декларации прав человека, пункт 1 статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, пункт 1 статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод), предполагает, как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, не только право на обращение в суд, но и гарантии, позволяющие реализовать его в полном объеме и обеспечивающие эффективное восстановление в правах посредством правосудия, отвечающего требованиям справедливости и равенства (постановления от 14 июля 2005 года № 8-П, от 26 декабря 2005 года № 14-П, от 25 марта 2008 года № 6-П и др.).

При этом любая дифференциация правового регулирования, приводящая к различиям в правах и обязанностях субъектов права, должна осуществляться законодателем с соблюдением требований Конституции Российской Федерации, в том числе вытекающих из универсального принципа равенства (статья 19, части 1 и 2), в силу которого различия допустимы, если они объективно оправданны, обоснованны и преследуют конституционно значимые цели, а используемые для достижения этих целей правовые средства соразмерны им. Соблюдение данного принципа, гарантирующего защиту от всех форм дискриминации при осуществлении прав и свобод, означает, помимо прочего, запрет вводить такие различия в правах лиц, принадлежащих к одной и той же категории, которые не имеют объективного и разумного оправдания (запрет различного обращения с лицами, находящимися в одинаковых или сходных ситуациях) (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 9 июля 2009 года № 12-П, от 22 октября 2009 года № 15-П, от 27 ноября 2009 года № 18-П, от 3 февраля 2010 года № 3-П, от 20 апреля 2010 года № 9-П, от 28 мая 2010 года № 12-П и др.).

Цели не допустить лишения потерпевшего возможности защитить свои права и законные интересы соответствует обязанность федерального законодателя установить – с соблюдением общеправовых принципов

равенства и справедливости, пределов конституционно допустимых ограничений прав и свобод и не ущемляя закрепленные Конституцией Российской Федерации права на доступ к правосудию и на судебную защиту – уголовно-процессуальные механизмы, в максимальной степени упрощающие жертвам преступлений, в том числе потерпевшим от общественно опасных посягательств лиц, страдающих психическими расстройствами, доступ к правосудию и реализацию конституционного права на судебную защиту. Вместе с тем – исходя из того, что уголовное судопроизводство имеет своим назначением не только защиту прав и законных интересов потерпевших от преступлений, но и защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (часть первая статьи 6 УПК Российской Федерации), и учитывая обусловленную состоянием психического здоровья лица опасность для себя самого или окружающих в качестве обстоятельства, вызывающего необходимость как оказания ему медицинской помощи, так и предотвращения причинения ему вреда, в том числе правомерными действиями по защите от его общественно опасных посягательств, – лица, совершившие запрещенные уголовным законом деяния в состоянии невменяемости, также нуждаются в судебной защите своих прав посредством правосудия, отвечающего требованиям справедливости и равенства, при применении к ним принудительных мер медицинского характера, предполагающих (допускающих), в частности, фактическое удержание, в зависимости от их психического состояния, в психиатрическом стационаре, а следовательно, не только защиту гарантированного Конституцией Российской Федерации права на охрану здоровья и медицинскую помощь (статья 41), но и ограничение закрепленных ею прав на свободу передвижения и на свободу и личную неприкосновенность (статьи 22 и 27).

Между тем положения части второй статьи 443 УПК Российской Федерации, обязывая суд отказывать в применении принудительных мер медицинского характера к лицу, совершившему в состоянии невменяемости

запрещенное уголовным законом деяние небольшой тяжести, но по своему психическому состоянию представляющему опасность для себя или других лиц, не только заведомо определяют решение суда, но и, по существу, делают бесполезным (бессмысленным) судебное разбирательство с точки зрения защиты как прав и законных интересов потерпевших в связи с угрожающей им опасностью повторных посягательств со стороны лица, уже совершившего в состоянии невменяемости деяние, запрещенное уголовным законом, так и прав и законных интересов лиц, по своему психическому состоянию представляющих опасность для себя или окружающих, а потому нуждающихся в лечении, хотя и принудительном.

Тем самым – вопреки требованиям Конституции Российской Федерации, гарантирующей каждому право на судебную защиту и обязывающей государство обеспечить всем потерпевшим в равной мере доступ к правосудию и компенсацию причиненного вреда (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 3 мая 1995 года № 4-П, от 2 февраля 1996 года № 4-П, от 16 мая 1996 года № 12-П и от 15 января 1999 года № 1-П), – умаляются права потерпевших от запрещенных уголовным законом деяний небольшой тяжести, которые оказываются в неравном положении с потерпевшими от посягательств, относящихся к средней или большей категории тяжести, совершенных лицами в состоянии невменяемости. Нарушаются указанные требования и в отношении лиц, совершивших в состоянии невменяемости запрещенные уголовным законом деяния, отнесенные к категории небольшой тяжести, поскольку фактически суд отказывает им в необходимой и своевременной, хотя и принудительной, медицинской помощи, не защищает их от собственного общественно опасного поведения и возможного воздействия иных лиц, что приводит к недопустимому ограничению их прав на охрану здоровья и медицинскую помощь, на судебную защиту, на защиту достоинства личности, личную неприкосновенность.

7. Таким образом, взаимосвязанные положения частей второй и четвертой статьи 443 УПК Российской Федерации не соответствуют

Конституции Российской Федерации, ее статьям 19 (части 1 и 2), 21, 41 (часть 1), 45, 46 (части 1 и 2), 52 и 123 (часть 3), в той мере, в какой – в силу нарушения критериев формальной определенности, точности, ясности, недвусмысленности правовых норм – эти положения в системе действующего правового регулирования не позволяют суду назначить принудительные меры медицинского характера в отношении лица, совершившего в состоянии невменяемости запрещенное уголовным законом деяние, отнесенное к преступлениям небольшой тяжести, если такое лицо по своему психическому состоянию представляет опасность для себя или окружающих, оставляя тем самым его без необходимой и своевременной медицинской помощи, а лиц, пострадавших от совершенных им деяний, – без государственной и судебной защиты от общественно опасных посягательств.

Соответственно, федеральный законодатель, руководствуясь требованиями Конституции Российской Федерации и правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации, выраженными в настоящем Постановлении, обязан внести необходимые изменения в правовое регулирование производства о применении принудительных мер медицинского характера. Этим не исключается правомочие федерального законодателя вводить – с соблюдением принципов правовой определенности, полноты и эффективности судебной защиты прав человека и основных свобод – процедуры применения к лицам, совершившим запрещенные уголовным законом деяния в состоянии невменяемости и по своему психическому состоянию представляющим опасность для себя или окружающих, психиатрического лечения без их согласия.

Исходя из изложенного и руководствуясь частью второй статьи 71, статьями 72, 74, 75, 78, 79, 87, 100 и 104 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать взаимосвязанные положения частей второй и четвертой статьи 443 УПК Российской Федерации не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее статьям 19 (части 1 и 2), 21, 41 (часть 1), 45, 46 (части 1 и 2), 52 и 123 (часть 3), в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования они исключают для суда возможность назначить принудительные меры медицинского характера лицу, совершившему в состоянии невменяемости запрещенное уголовным законом деяние, отнесенное к преступлениям небольшой тяжести, и при этом по своему психическому состоянию представляющему опасность для себя или окружающих.

2. Правоприменительные решения по делу, по которому гражданин Первов Сергей Александрович признан потерпевшим, основанные на части второй статьи 443 УПК Российской Федерации в той мере, в какой она признана настоящим Постановлением не соответствующей Конституции Российской Федерации, подлежат пересмотру в установленном порядке, если для этого нет иных препятствий.

3. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу немедленно после провозглашения, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

4. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете» и «Собрании законодательства Российской Федерации». Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

Конституционный Суд
Российской Федерации

МНЕНИЕ

судьи Конституционного Суда Российской Федерации Г.А.Гаджиева

Соглашаясь с итоговыми выводами, к которым пришел Конституционный Суд Российской Федерации в настоящем Постановлении по делу о проверке конституционности частей второй и четвертой статьи 443 УПК Российской Федерации, я не могу согласиться с большинством судей в той части решения, в которой констатируется нарушение статьи 52 Конституции Российской Федерации. В связи с этим на основании части второй статьи 76 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» сообщаю свое мнение.

Буквальное толкование положений, содержащихся в статье 52 Конституции Российской Федерации, позволяет прийти к выводу, что в своем системном единстве они образуют одну норму следующего содержания: государство охраняет права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью посредством обеспечения им доступа к правосудию и предоставления компенсаций причиненного ущерба в соответствии с законом. При этом в гипотезе данной нормы речь идет не о любых противоправных посягательствах со стороны кого бы то ни было, а именно о «преступных и иных (т.е. не образующих состав преступления) злоупотреблениях властью».¹

Помимо собственно действий лиц и органов, облеченных такой (государственной или, в широком смысле, публичной) властью и допустивших преступление или злоупотребление ею, государство также сознательно берет на себя ответственность (не в строго юридическом смысле, а в смысле позитивного обязательства) за неблагоприятные последствия, наступающие для человека в связи с такими исключительными ситуациями, как техногенные катастрофы², террористические акты³, вооруженные

---

¹ Комментарий к Конституции Российской Федерации / под общ. ред. Б.Н.Топорнина, Ю.М.Батурина, Р.Г.Орехова. М.: «Юридическая литература», 1994. С. 277.

² Ярким примером является Закон Российской Федерации от 15 мая 1991 года № 1244-1 «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на

конфликты и т.д. Именно о компенсации за вред, причиненный самой публичной властью, а также за вред, возникший в подобных чрезвычайных обстоятельствах, но не о компенсации за любое преступление, совершенное кем бы то ни было, говорит второе предложение статьи 52 Конституции Российской Федерации. Это связано в том числе с тем, что Конституция Российской Федерации возлагает именно на государство обязанность по обеспечению правопорядка и общественной безопасности (статья 71, пункт «м»; статья 72, пункт «б» части 1), охране окружающей среды и обеспечению экологической безопасности (статья 42; статья 72, пункт «д» части 1).

Исходя из того, что нормы статьи 52 Конституции Российской Федерации являются специальными (о чем будет подробнее сказано далее), понятие компенсации вреда, причиненного преступлением, злоупотреблением властью, предполагает, что это возмещение должно осуществляться не непосредственно виновным должностным лицом, а Российской Федерацией, соответствующим субъектом Российской Федерации или муниципальным образованием (статья 16 ГК Российской Федерации). Поэтому статья 52 Конституции Российской Федерации не может восприниматься как конституционная основа для правового статуса *любых* потерпевших.

Истолкование статьи 52 Конституции Российской Федерации как нормы прямого действия, позволяющей компенсировать ущерб от *любых* преступлений, когда не установлен обвиняемый или когда у него недостаточно средств, является преждевременным. Не случайно положение о том, что ущерб, нанесенный собственнику преступлением, должен возмещаться государством по решению суда, которое ранее содержалось в Законе РСФСР от 24 декабря 1990 года «О собственности в РСФСР»,

---

Чернобыльской АЭС», многократно становившийся предметом рассмотрения в Конституционном Суде Российской Федерации.

³ Так, например, Федеральный закон от 6 марта 2006 года № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» предусматривает выплату компенсаций лицам, пострадавшим как от правомерных действий властей по пресечению террористического акта, так и от самого террористического акта.

юридически действовало очень короткий срок и практически не применялось.

Российская Федерация пока еще не считает необходимым брать на себя имущественное бремя (в виде компенсации причиненного вреда) не как должник по деликтному обязательству, отвечающий при наличии вины, а как публичная власть, несущая ответственность без вины в целях поддержания стабильности оборота.

Понятие «потерпевший» применительно к рассматриваемой норме «не только и не столько означает известную процессуальную фигуру в уголовном правосудии, а восходит к более широкому международному правовому понятию жертвы»⁴, а для обладания статусом «жертвы» по смыслу Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью не обязательно должен быть установлен, арестован, предан суду или осужден правонарушитель (которого, в уголовно-процессуальном смысле, может вовсе не быть).

Что же касается противоправных действий отдельных лиц, не исключая лиц, признанных в установленном порядке страдающими психическим расстройством (душевнобольными) и представляющих общественную опасность, то ответственность за их действия не может быть полностью переложена на государство, а такое лицо, совершившее уголовно наказуемое деяние, не может быть полностью освобождено от мер уголовно-правового принуждения. Это соответствует резолютивному выводу, к которому пришел Конституционный Суд Российской Федерации в настоящем Постановлении. Следует отметить, что лицо, страдающее психическим расстройством, даже не обязательно является полностью недееспособным (впрочем, и сама категория полной недееспособности ставится сегодня специалистами в области международного гуманитарного права под большое сомнение⁵) и

---

⁴ Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В.Д.Зорькина, Л.В.Лазарева. М.: «Эксмо», 2009. С. 474.

⁵ Об этом см.: Салагай О.О. Некоторые международно-правовые и сравнительно-правовые аспекты дееспособности лиц, страдающих психическими заболеваниями // Медицинское право. 2010. № 1.

потому не может расцениваться как некая неуправляемая стихийная сила, вынужденную ответственность за действия которой несет государство.

Что же касается абсолютного и не подлежащего никаким ограничениям права на судебную защиту, являющегося одновременно гарантией всех остальных прав, то отказ в применении в настоящем деле статьи 52 Конституции Российской Федерации отнюдь не означал бы отказ от признания этого права, поскольку оно защищается, в первую очередь, иными конституционными нормами. В настоящей статье особое указание на доступ к правосудию призвано, по моему мнению, подчеркнуть тот факт, что государство гарантирует судебную защиту не только от всех иных лиц, но и от собственного репрессивного аппарата власти (в лице его органов власти и должностных лиц).

Имеющая же универсальное значение статья 45 Конституции Российской Федерации гласит, что государственная защита прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации гарантируется и что каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом, а статья 46 гарантирует каждому судебную защиту его прав, в том числе посредством обращения к межгосударственным органам юстиции. На основании этих же норм в законодательстве установлено и право на «компенсацию» пострадавшего от преступления в виде возмещения вреда лицом, ответственным за его причинение (гражданский иск в уголовном процессе). При этом отдельно в статьях 45 и 46 компенсация не выделена, поскольку соответствующее возмещение, полученное в рамках процессуального закона, подразумевается как одна из составляющих (один из способов) судебной защиты прав наряду с признанием права, *restitutio in integrum* и др. (в зависимости от характера нарушенного права), и не совпадает по смыслу с компенсацией согласно статье 52 Конституции Российской Федерации. Данные конституционные нормы в большей степени сопряжены с уголовно-процессуальным правом – для признания за лицом статуса потерпевшего («жертвы») этому лицу необходимо доказать наличие

у него этого статуса согласно национальному закону (или, например, согласно Европейской конвенции), а правонарушитель как таковой не может отсутствовать (он может, например, быть не установлен). По отношению к этим нормам общего характера, применимым в настоящем деле, норма статьи 52 Конституции Российской Федерации является специальной, несмотря на то, что в практике Конституционного Суда Российской Федерации она на сегодняшний день трактуется предельно широко (Определение от 28 июня 2012 года № 1258-О и ряд других решений).